

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРВОБЫТНОСТИ И В ПЕРИОД КИЕВСКОЙ РУСИ: ИСТОКИ СПОНТАННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Е.А. Спирина, БГУКИ (Минск)

С момента зарождения белорусская культура характеризовалась тесными взаимосвязями с другими, что отразилось на самом белорусском субстрате: так, М.Ф.Пилипенко, В.В.Седов, Н.Ермолович полагали, что последний – итог синтезирования балтов и славян; И.Ласков считал, что в этногенезе белорусов также принимала участие и фино-угорская группа [4], [6], [2], [5]. Для нас особенно значимо следующее: хотя взгляды исследователей в вопросе происхождения белорусов расходятся, но все они полагают, что белорусы как общность сформировалась благодаря взаимовлиянию различных племен. Мы полагаем, что именно множественность межплеменных интеракций явилась изначальной предпосылкой для формирования идентичности у белорусов, процесс которой начался еще в период Киевской Руси.

Формированию восточнославянского сообщества сопутствовала консолидация населения Подвинья, Верхнего Поднепровья, Полесья, части Понеманья с соседними северными, южными и восточными землями, в свете чего можно утверждать, что состав населения Киевской Руси был поликультурным. Отрицательная сторона этого была отмечена К.Марксом, утверждавшим, что Киевская Русь представляла собой «лоскутное одеяло» [1, с.39]. Результатом этого была двойственная ситуация формирования белорусской культуры, которая растянулась на века. С одной

стороны, создание единого государства и процесс зарождения соответствующей идентичности (выразившейся, в частности, в наличии общего политонима: «русы», «русичи», «русины») свидетельствует о попытке распространения на все группы населения единого «мы-образа» как совокупности локальных «мы-образов». Иными словами, новообразовавшееся государство по своему составу было неоднородным и в целом состояло из различных этнокультурных групп. С другой стороны, в формировании надлокального целого возникли известные преграды. Причины этого: а) основной акцент в интеграции политической элита делала на группы-толеранты, что уже изначально противоречило установкам сложившегося состава населения (групп-контактеров, например, славян и балтов); б) проживание в границах государства многочисленных самоизолирующихся племен (групп-изолятов), особенно на востоке («на месте ядра будущей России славяне столкнулись с финна-уграми, на Украине – с фракийскими, тюркскими и ираноязыческими группами»). Эти группы были самодостаточны в экономическом, социальном и культурном развитии и распространение на них влияния Киевского государства не было столь значительным, как ожидала политическая элита. Напротив, наблюдалась борьба этих групп за получение и сохранение политической, экономической и культурной независимости от Киева.

В связи с этим правящая элита при помощи церкви предприняла попытку искусственного укрепления единого «мы-образа» за счет групп-контактеров и включения групп-изолятов путем распространения единой религии и единого языка. Новый «мы-образ» предполагал перевод двух типов групп (групп-контактеров (балты и славяне) и групп-изолятов (финна-угоры) в третий – *толерантов* с общими группоопределяющими характеристиками.

После крещения Руси адепты новой религии стали уничтожать свидетельства языческого невежества: скупали или забирали летописи и сжигали их, были запрещены массовые гуляния, игрища, вождение хороводов, поэтические произведения, уничтожались святые – храмы и монастыри. Но поскольку в целях лучшего усвоения новой религии на том же месте возводились христианские храмы (полоцкий Софийский собор, витебская Благовещенская церковь, гродненская Борисоглебская церковь и др.); а также поскольку – пусть вынужденно – воедино сводились элементы языческих и христианских обрядов (насыпание погребальных курганов спустя столетия после прихода христианства) и празднов (Кольяды, Купалье), то языческое наследие не пропало втуне, так, его следы заметны даже в современной культуре.

Показательно, что еще в XVII – XVIII вв. на востоке Беларуси функционировали языческие общины, а в конце XIX в. в Минске действовала языческая часовня. Можно согласиться с утверждением Е. Карского: «Вначале христианские идеи слабо проникают в народную массу, затем они долго употребляются с язычеством и только в конце получают верх (и то не всегда) над язычеством» [3, с. 46]. Напрашивается вывод, что христианство на территории Беларуси приняло «местные» формы, тесно связанные с локальными идентичностями представителей разных регионов.

Вторым шагом на пути к единению народов предпринятым политической элитой было внедрение единого для всех восточнославянских народов языка. Этому содействовало распространение письменности на старославянском (церковнославянском) языке. Можно, однако – пусть и с некоторой осторожностью – рассматривать этот факт шире: как тяготение этнокультурных групп, проживающих на белорусской земле в период Киевской Руси к мультикультурной структуре взаимоотношений.

Разумеется, мы используем здесь термин «мультикультурализм» не в современном понимании сознательной стратегии этнокультурных групп к «единству в различии», предпринимаемой, главным образом, в политико-культурных целях, а в контексте спонтанного самоструктурирования взаимодействий групп, залогом чего, с одной стороны, являлось принятие универсальных для всех них религии и языка, а с другой – «диалектные», локальные модификации и языка, и религии.

Несмотря на сложность распространения христианства и общего языка на всей территории Беларуси, вывод о том, что они принимались исключительно насильно, благодаря универсалистским тенденциям со стороны государства и церкви, был бы поверхностным. Это доказывают тем, что в этот период появились множество текстов культуры, которые сегодня принадлежат к духовному наследию и русского, и белорусского, и отчасти – также и украинского народов (например, «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», былины «Вольга Святославович и Микула Селянинович», «Добрыня-свят»). Так, в «Слове о полку Игореве» встречаются слова и выражения, свойственные современному белорусскому языку: «аксамиты», «вежа», «година», «полон» и др., а также ряд характерных для белорусского языка грамматических и фонетических форм.

Таким образом, можно обосновать тезис о двойственном процессе универсализации-локализации, с нашей точки зрения являющемся предпосылкой мультикультурализма. Мы убеждены, что процесс взаимопроникновения культурных текстов невозможен, если исходить лишь сугубо властных интересов правящей верхушки и игнорировать реальные интеракции групп-контактеров в форме диалога.

Итак, мы полагаем, что в этот период наблюдаются первые стихийные попытки мультикультурного сосуществования на основе равноправных интеракций групп-контактеров, прежде всего, в сфере духовной культуры. Однако не следует преувеличивать осознанность и широту этого процесса и,

тем более, отождествлять его с современностью – с одной стороны властные тенденции носили универсалистский характер, а с другой отношения между группами на бытовом уровне отличались преимущественной партикуляристской направленностью. При достигнутой степени хозяйственного объединения земель между собой и взаимоконтактов групп, территориальная дифференциация в отрасли культуры проявлялась довольно выразительно. С распадом Киевской Руси она еще больше усилилась: свидетельством этого является тот факт, что даже во время централизации этого государственного объединения (X–XI вв.) наблюдались языковые отличия между населением восточнославянских земель [7, с.277], а таже локально-территориальные названия: «полочане», «смоляне», «туровцы» и т.д. Таким образом, можно сказать, что постепенно отличительные особенности групп взяли верх над общим, что стало, с одной стороны, причиной культурного развития отдельных восточнославянских народов, а с другой, распада Киевской Руси. Скорее, здесь можно говорить о «ростках» консенсуса между этнокультурными группами Киевской Руси – прежде всего, в сфере духовной культуры.

Литература

1. Гісторыя Беларусі : у 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, І.Л. Качалаў [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С.Марцуля.– Мн.: Універсітэцкае, 2000. – 416 с.
2. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь. Віленскі перыяд: гіст. нарыс / М.І. Ермаловіч. – Мн.: Бацькаўшчына: Бясядзь, 1994. – 91с.
3. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский. – Вильно, 1904 – Т.2, кн.1 – 210 с.
4. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Мн.: Беларусь, 1991. – 143 с.
5. Саракавік, І.А. Беларусазнаўства / І.А. Саракавік. – Мн.: Веды, 1998. – 284 с.
6. Седов, В. К происхождению белорусов : (проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) / В.Седов // Сов. этнография. – 1967 –№2 – С. 112–129
7. Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка /Ф.П. Филин. – М.:Наука, 1981. – 430 с.